

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В АКТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ВЫСОКОГО СУДА ПРАВОСУДИЯ

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN RECENT PRACTICE OF THE HIGH COURT OF JUSTICE

A. Ulyanov

Annotation

This article covers the recent decisions of the High Court of Justice on cases involving good faith in contractual relationships. Two trends are observed and analyzed: on the one hand, to derogate from the traditionally negative attitude of English courts towards good faith, and, on the other hands, to restrictive approach towards good faith.

Keywords: good faith, case law, High Court of Justice, terms implied in fact.

Ульянов Александр Сергеевич
Аспирант, Всероссийская
академия внешней торговли

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются последние решения Верховного суда правосудия по спорам о добросовестности сторон в договорных отношениях. Исследуются тенденции, с одной стороны, к отходу от традиционно негативного отношения английской судебной практики к принципу добросовестности, и, с другой стороны, ограничительного толкования добросовестности.

Ключевые слова:

Добросовестность, судебная практика, Верховный суд правосудия, фактически подразумеваемые условия.

Принцип добросовестности, ведущий свое происхождение от *bona fides*, института римского права, широко известен правовым порядкам континентальной Европы: в виде общей оговорки он закреплен, в частности, в § 242 Германского Гражданского уложения; ст. 1134 Гражданских кодексов Франции, Бельгии, Люксембурга; абз. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Швейцарии; ст. 33 и 36 единообразного Закона о заключении договоров, действующего в Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции.

Наряду с правовыми порядками отдельных европейских стран, этот принцип нашел применение и в европейском праве, праве Европейского Союза: он не только прямо установлен в таких источниках права, как Директива о недобросовестных условиях в договорах с потребителями, Директива о коммерческих представителях и Директива о практике недобросовестной конкуренции, но также включен в целый ряд положений Модельных правил европейского частного права, включая статью I. – 1:10 Книги I, посвященной общим положениям будущего европейского частного права, каким его видят авторы документа. [2]

В праве США он также получил закрепление: ст. 1–304 Единообразного торгового кодекса содержит общую норму о добросовестности (*good faith*) в договорных отношениях, а ст. 2–203 (1) "b" содержит специальные нормы о добросовестности, действующие в договорах купли-продажи, стороной которых является коммерсант.

В российском законодательстве общая норма о добросовестности содержится в п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса, действующего в редакции от 03.07.2016. Помещение общей нормы о добросовестности в статью кодекса, посвященную основным началам гражданского законодательства, само по себе говорит о значении этого принципа в российском гражданском праве. Разъяснение относительно применения этой нормы были даны Пленумом Верховного суда Российской Федерации в Постановлении от 23.06.2015 № 25.

Этот принцип используется и в международных документах, таких, например, как Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров и Венская конвенция о праве международных договоров. Особое место занимают положения о добросовестности в источниках так называемого "мягкого права", международных документах рекомендательного характера: Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА и Принципах европейского договорного права. Профессор Бергер видит в таком широком распространении принципа добросовестности основание признать его одним из принципов транснационального права и частью современного *lex mercatoria*. [3; 277]

Однако, несмотря на такое широкое признание и распространение, добросовестность традиционно отвергается в английской судебной практике и правовой доктрине в качестве общего принципа. [см. напр. 5] Этот отказ часто связывают с характерным для английского права

недоверием к абстрактным категориям, стремлением применять как можно более конкретные, разработанные при рассмотрении частных случаев правила вместо широких по своему содержанию норм, а также с традиционным для английской правовой доктрины подходом, согласно которому признание общего принципа добросовестности создаст угрозу для основного принципа английского договорного права – свободы договора. [8; 142, 159] Кроме того, отказ от общего принципа добросовестности не равнозначен отказу признавать какую-либо обязанность вести себя честно и уважать интересы другой стороны вообще, [1; 167–169] – "особенностью английского права является то, что оно не знает подобного общего принципа, хотя по отдельным проблемам и работало фрагментарные справедливые решения". [7]

К числу таких "фрагментарных решений" относятся, например, институты лишения права на возражение (*promissory estoppel*), основанного на доктрине "чистых рук" (*clean hands*), заблуждения (*misrepresentation*), а также подразумеваемых условий договора (*implied terms and conditions*). Традиционно предполагается, что эти инструменты не только справляются со всеми проблемами, для решения которых используется общий принцип добросовестности, но и делают это с большей степенью правовой определенности, поскольку не предполагают отсылки к широким категориям морально-этического характера.

Эту традиционную точку зрения четко и безусловно поддержал Апелляционный суд Англии и Уэльса в своем недавнем решении по делу *Mid Essex Hospital v Compass Group*: "В английском договорном праве нет общей доктрины добросовестности". [10]

Тем не менее, такое отношение к принципу добросовестности в английском праве не является всеобщим. Так, первая попытка ввести в английское право общий принцип добросовестности была предпринята еще в 1766 году лордом Мэнсфилдом в решении по делу *Carter v Boehm*, [13] принятому по спору между страхователем и страховщиком.

Рассматривая это дело, лорд Мэнсфилд признал, что стороны договора страхования, в силу его природы, предусматривают взаимную обязанность его сторон проявлять предельную добросовестность (*utmost good faith, uberrima fides*), которая, в том числе, не допускает, чтобы какая-либо из сторон, путем сокрытия информации, известной ей в частном порядке, заключала договор с другой стороной, пользуясь ее незнанием.

В решении по делу *Manifest Shipping Co Ltd v Unipolaris Shipping Co Ltd* лорд Хобхаус следующим образом оценил характер и значение этого решения: "...лорд Мэн-

сфилд попытался внедрить в английское торговое право общий принцип добросовестности, но эта попытка была абсолютно безуспешна, и достигла результата лишь в узкой сфере договоров страхования. Решение по делу *Carter v Boehm* представляло собой применение общего принципа добросовестности, из которого он исходил, к заключению договора страхования". [9]

В последнее время, в контексте все более тесного взаимодействия правопорядков различных правовых семей и, как следствие, усиливающегося взаимного влияния, вопрос об наличии общего принципа, обязывающего стороны действовать добросовестно в договорных отношениях, все чаще поднимается в решениях английских судов, и не только в утверждениях строго отрицательного характера, как в процитированном выше деле *Mid Essex Hospital v Compass Group*. Рассмотрим эту тенденцию на примере нескольких недавних решений Высокого суда правосудия.

Наиболее известным, широко цитируемым и, несомненно, смелым из них является решение по делу *Yam Seng PTE Ltd v International Trade Corporation (ITC) Ltd*. [14] Это решение было принято по спору между дистрибьютором и поставщиком, который не предоставил ему определенную информацию, обладание которой имело бы для дистрибьютора существенное значение, ссылаясь на то, что договор не предусматривал для него такую обязанность.

Рассматривая этот спор, суд обратился к вопросу добросовестности в поведении сторон договора. Суд заметил, что традиционный английский подход к этой проблеме основан на принципе индивидуализма, согласно которому стороны вправе преследовать свои личные интересы до тех пор, пока это не нарушает условия договора между ними. Тем не менее, отказываясь признавать общий принцип добросовестности, английские суды "плывут против течения", поскольку он имеет широкое распространение по всему миру. Анализируя дистрибьюторское соглашение между сторонами спора, суд признал, что оно относится к так называемым *relational contracts*, договорам, основанным на тесных взаимоотношениях между сторонами, предполагающими высокий уровень взаимного доверия, и поэтому "предполагает, что одна сторона может полагаться на добросовестное сотрудничество другой, которое, хотя и не предусмотрено прямо условиями договора, исходит из самого понимания сторонами сущности договора и необходимо для его эффективного исполнения". Таким образом, суд признал обязанность действовать добросовестно подразумеваемым условием (*implied term*) рассматриваемого договора.

Подытоживая свое решение, суд отметил, что хотя "английское право вряд ли готово к тому, чтобы признать

обязанность вести себя добросовестно для сторон всех коммерческих договоров", как в правовых порядках континентального типа, традиционный для английского права институт фактически подразумеваемых условий договора (*implication of terms in fact*) вполне позволяет признать требование добросовестности подразумеваемым условием любого коммерческого договора, исходя при этом из предполагаемых намерений сторон.

Таким образом, в решении по делу *Yam Seng* Высокий суд, хоть и отказываясь от прямой рецепции континентальной модели добросовестности, предложил внедрить принцип добросовестности через новый подход к уже сложившемуся институту английского права.

Таким же образом, по модели, предложенной в решении по делу *Yam Seng*, через включение подразумеваемой обязанности вести себя добросовестно в договоры, основанные на тесных отношениях и доверии, принцип добросовестности был проведен в решении по делу *Bristol Groundschool Limited v Intelligent Data Capture Limited*. [4]

Другим примером решения, в котором Высокий суд правосудия, не признавая общий принцип добросовестности как таковой, тем не менее, оценил условия договора с точки зрения соответствия общим этическим стандартам, является решение по делу *D&G Cars Ltd v Essex Police Authority*. [6] Спор, по которому оно было принято, возник между авторемонтной мастерской и полицейским управлением графства Эссекс, которое заключило с мастерской договор на уничтожение определенных автомобилей. Согласно условиям договора, автомобили должны были уничтожаться таким образом, чтобы ни одна составная часть не могла быть использована в составе другого транспортного средства, однако мастерская не только не уничтожила один из автомобилей, но и включила его в свой автопарк. Полицейское управление заявило о расторжении договора.

Ссылаясь на решение по делу *Yam Seng*, Высокий суд подчеркнул, что наличие в договоре подразумеваемой обязанности действовать добросовестно следует из конкретных обстоятельств дела и особенностей взаимоотношений между сторонами. В рассматриваемом случае договор был заключен на пять лет, и стороны исходили из того, что в течение этого срока от заказчика в мастерскую поступит значительное количество автомобилей, т.е. договорные отношения между сторонами были достаточно тесными и предполагали достаточную степень взаимного доверия, чтобы можно было говорить об обязанности действовать честно и порядочно (*duty of honesty and integrity*). Суд пояснил, что предпочел именно эти термины термину "добросовестность", чтобы подчеркнуть, что поведение сторон в первую очередь должно соответствовать обще-

принятым стандартам добропорядочной и открытой деловой практики (*fair dealing and transparency*).

Вместе с тем, в ряде недавних решений Высокий суд отказался от применения принципа добросовестности. Так, в решении по делу *Myers and another v Kestrel Acquisitions Ltd (Kestrel) and others* [12] он признал, что в отношении права изменять условия облигаций, предусмотренного договором, не действовало подразумеваемое требование добросовестности. Суд аргументировал свое решение тем, что, во-первых, договор был составлен подробно и тщательно (*extensive and detailed*) и был заключен между сторонами, обладавшими необходимыми профессиональными знаниями, и, во-вторых, осуществление предусмотренного им права изменять условия облигаций представляло собой так называемый альтернативный выбор (*binary choice*), т.е. решение, зависящее сугубо от усмотрения стороны и не требующее от нее оценки ситуации и каких-либо внешних факторов. Интересно, что в этом споре признать действие принципа добросовестности требовал истец, что говорит о возрастающей востребованности этого института в деловой практике.

В решении по другому делу, *Monde Petroleum SA v Westernzagros Limited*, [11] Высокий суд признал, что при осуществлении своего права на расторжение договора сторона не несла подразумеваемой обязанности действовать добросовестно. Рассматривая договор, в связи с односторонним расторжением которого возник спор, суд установил, что, во-первых, одного только значительного срока действия договора недостаточно, чтобы признать его основанным на тесных отношениях и доверии между сторонами – необходимы также иные обстоятельства, позволяющие утверждать, что стороны могли ожидать друг от друга добросовестного сотрудничества; а также что решение о расторжении договора является результатом т.н. альтернативного выбора, как в деле *Myers and another*, тем более, оно не относится к исполнению договора, поэтому, принимая его, сторона не обязана обосновывать свое решение и не связана требованием добросовестности.

Таким образом, можно сказать, что практика Высокого суда правосудия, хотя и отступает от традиционно негативного отношения к принципу добросовестности, делает это, тем не менее, достаточно осторожно. Очевидно, что Высокий суд правосудия пока еще далек от того, чтобы признать общий принцип добросовестности в том виде, в каком он известен континентальному праву, и предпочитает оставаться в рамках традиционных институтов английского права. Однако нельзя не заметить, что объем судебной практики по вопросам, связанным с добросовестностью в договорных отношениях, имеет тенденцию к возрастанию.

Пойдет ли Высокий суд и дальше по пути, начатому в решении по делу Yam Seng, или же останется в рамках ограничительного толкования добросовестности, преобладающего на настоящий момент, покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер К.П., Арнц Т. Принцип добросовестности в английском коммерческом договорном праве. Обзор актуальной английской судебной практики. Журнал сравнительного правоведения. 2016. N 115. С. 167 – 199.
2. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference. Outline Edition: http://ec.europa.eu/justice/policies/civil/docs/dcfr_outline_edition_en.pdf Дата обращения: 16.10.2016
3. Berger K.-P., The Creeping Codification of the New Lex Mercatoria, 2. Aufl. 2010, S. 277ff
4. Bristol Groundschool Limited v Intelligent Data Capture Limited [2014] EWHC 2145 (Ch): <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2014/2145.html> Дата обращения: 16.10.2016
5. Brownsword, R. Two Concepts of Good Faith. 7 Journal of Contract Law, 197. 1994
6. D&G Cars Ltd v Essex Police Authority [2015] EWHC 226 (QB): <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2015/226.html> Дата обращения: 16.10.2016
7. Interfoto Picture Library Ltd v Siletto Visual Programmes Ltd [1989] QB 433, 439
8. Korde, Good Faith and Freedom of Contract, UCL Juris. Rev 2000, 142, 159
9. Manifest Shipping Company Limited v Uni-Polaris Shipping Company Limited and Others [2001] UKHL 1; [2001] 1 All ER 743; [2001] 2 WLR 170 (18th January, 2001): <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2001/1.html> Дата обращения: 16.10.2016
10. Mid Essex Hospital Services NHS Trust v Compass Group UK and Ireland Ltd (t/a Medirest) [2013] EWCA Civ 200, Rn. 105
11. Monde Petroleum SA v Westernzagros Limited [2016] EWHC 1472 (Comm): <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2016/1472.html> Дата обращения: 16.10.2016
12. Myers and another v Kestrel Acquisitions Ltd (Kestrel) and others [2015] EWCN 916 (Ch): <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2015/916.html> Дата обращения: 16.10.2016
13. Watterson, Stephen (2008) Carter v Boehm (1766). In: Mitchell, Charles and Mitchell, Paul, (eds.) Landmark Cases in the Law of Contract. Hart Publishing, pp. 59–118
14. Yam Seng PTE Ltd v International Trade Corporation (ITC) Ltd [2013] EWHC 111 (QB): <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2013/111.html> Дата обращения: 16.10.2016

© А.С. Ульянов, (alexander_ulyanov@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

